

ВОРОНЕЖСКАЯ ТАМОЖЕННАЯ ИЗБА В XVII в.

В XVII в. сбор таможенных пошлин с населения города Воронежа и Воронежского у. осуществлялся административным аппаратом таможенной избы. На протяжении всего столетия, наряду с таможенными пошлинами, им же собирались так называемые «питейные прибыли», то есть доходы с кабака (позднее кружечного двора). Сбор этих двух видов пошлин мог осуществляться как верными головами, так и откупщиками.

Таможенный голова представлял собой самую важную фигуру на таможне. Он оценивал товар, разбирал конфликты целовальников с торговыми людьми, отвечал на запросы из центра. Его обязанностью было осуществление делопроизводства. Голова регулярно, раз в месяц или даже чаще, проверял приходно-расходные книги, оценочные росписи строений и инвентаря.

В 1659–1660 гг. в Воронеж воеводе Сеиту Алексеевичу Хрущеву были присланы грамоты из Москвы о сборе таможенных пошлин и прибыли с кружечного двора. Ему было поручено приказать, чтобы голова и целовальники таможенную пошлину и прибыль с кружечного двора «сбирали с великим раденьем неоплошно, чтоб таможенную пошлину и с кружечного двора прибыль перед прежними годами собрать с прибылью»¹.

В тех же документах указывалось, что в случае, если голова и целовальники начнут сами пить на кружечном дворе или будут злоупотреблять своим положением, они должны будут возместить ущерб из собственного имущества. Голову предостерегали от использования денежных средств для собственных целей и от «поноровки», то есть помощи друзьям и знакомым. Перед таможней все должны были быть равны.

В штатах таможни имелись целовальники. Они в свою очередь могли быть универсальными сборщиками или специализироваться на особом виде пошлин. На таможне один из целовальников назначался старшим, он же по совместительству являлся ларечным (ларешным). Ларечный целовальник фактически выполнял роль казначея. Он же занимался приготовлением и покупкой вина. Были также «ходячие» и караульные целовальники. Они, как правило, направлялись для сбора пошлин в торговые места и охраняли таможенную избу. Остальные назывались рядовыми целовальниками. На должности целовальников привлекались служилые люди и черносошные крестьяне. Целовальники не назначались, они всегда избирались из местного населения. В обязанности целовальников входили оценка товаров и сбор пошлин. Они заведовали таможней, кружечным двором, брали откупные деньги с бань и ухажаев, а также могли выполнять самые разнообразные мелкие поручения, если на таможне не хватало для этих целей людей. Целовальники также стояли за стойкой на кабаке, а позднее на кружечном дворе. Эти должностные лица контролировались головой ежемесячно, в некоторые годы еженедельно.

Среди архивных документов Воронежского у. удалось найти довольно любопытный документ — роспись голов и целовальников воронежского таможенного и кружечного двора с 1674 по 1680 г. Согласно росписи, в 1677 г. головой был некий Агей Лосев. Должность целовальников при нем исполняли 10 чел.: Василий Титов, Василий Полуэктов, Давид Присыпков, Абрам Исачев, Трафим Сукоченого. Из казаков были выбраны Матвей Догав, Тимофей Макашев и Яков Дехтев. Из стрельцов — Терентей Ключенской и Иван Дубровин².

Для ведения письменной документации на таможне обязательно находился дьячок. 1 сентября 1679 г. по государеву указу и по грамоте из Разряда и по приказу воронежского воеводы Максима Михайловича Карташова воронежские дворяне и дети боярские выбрали таможенным головой сына боярского Максима Григорьевича Протопопова. В помощь ему «для письма» тогда же был выбран дьячок Мартын Петров, «чтоб государевой казне приход вел и приходные книги писал в правду против евангельской заповеди»³.

В штате Воронежской таможни имелся вспомогательный персонал. Здесь работали сторожа, рассыльные, ярьжные. Их нанимали на полгода или на год. Были здесь таможенные приставы, ходоки или посыльщики, которые ездили к уездным целовальникам. Иногда в помощь таможенному голове выделялись местные стрельцы и воеводские рассыльные. В 1694 г. в январе по указу из Москвы голове воронежских стрельцов и казаков С. Ф. Малцову было велено прислать двух стрельцов в качестве посыльных на воронежский таможенный и кружечный двор по недели переменяясь...⁴

Как правило, выставление права собирать таможенные и питейные «прибыли» на откуп, то есть на своеобразный «аукцион», осуществлялось перед тем, как начать процедуру выбора. О том,

что государство не против откупа, сообщалось заранее, воеводам приказывали в соответствующих грамотах «кликать биричем по все дни».

Прежнего откупщика обязывали объявлять о своем отказе от откупа заблаговременно. Он должен был за некоторое время, в основном, за два месяца или за месяц до окончания своего откупа, отказаться от него в Московском приказе. В противном случае откупщик и люди, поручившиеся за него, так называемые «поручники по нем», обязаны были платить прежние откупные таможенные деньги за следующий год. Уплачивали они также и «наддачу», которая росла либо вдвое, «либо что государь укажет». Иногда от «наддачи» откупщика могли освободить. «Наддачей» называлась дополнительная сумма денег, собранная сверх прибыли прошлого года. То есть с каждым годом откупщик брал на себя обязательство в том же уезде собирать все большие и большие таможенные и питейные пошлины.

Все желающие взять кабак и таможеню на откуп должны были подать челобитную, которая рассматривалась в Москве на предмет состоятельности и благонадежности откупщика. Далее началась процедура передачи таможенных и питейных сборов на откуп. Несмотря на то, что в целом, как правило, кандидатуру откупщика утверждали в Москве, на местах, в уезде, за него должны были поручиться местные жители, составив необходимые поручные записи. В этом отношении следует различать передачу откупщику имущества таможни и кабака «верного бранья», то есть находящегося ранее в ведении выборного таможенного головы, и от одного откупщика другому. В последнем случае процедура, как следует из источников, была более упрощенной и определялась только денежными суммами, уплаченными новым откупщиком старому.

Если же ранее питейные и таможенные доходы собирались выборными должностными лицами, процедуре вступления в должность нового откупщика предшествовала оценка всех вещей, находящихся в таможенной избе и на кабаке (кружечном дворе). «Ценились» также и сами строения.

Согласно присланным из Москвы грамотам, «таможенные и кабацкие заводы», то есть все имущество, передаваемое от старого откупщика новому, нужно было оценить, составив «ценовные росписи». Судя по источникам, «ценовные росписи» составляли «сторонние», то есть не заинтересованные в деле люди — земский староста и выборные оценщики.

Откупщика в специальном наказе, также присылаемом из Москвы, увещевали не злоупотреблять своим положением, честно и в срок собирать положенные пошлины и «смотреть в правду». В случае недобора для выяснения причин могли проводиться сыски.

Откупщик не обязательно должен был быть жителем уезда, в котором он хотел взять на откуп таможенные и питейные сборы. Судя по документам, зачастую откупщиками становились жители соседних уездов или даже так называемые «инородцы», «чужаки». Отсутствие родственных связей в данной местности значительно облегчало бесперебойные сборы пошлин и обеспечивало самим откупщикам более высокий доход.

Сохранившиеся в документах сведения о нескольких наиболее удачливых и предприимчивых откупщиках обычно свидетельствуют об их личной неординарности. Откупщик мог собирать таможенные пошлины и питейные сборы в течение одного года или двух лет. Однако нам известны случаи, когда срок откупа мог значительно увеличиться. В этом отношении интересна личность откупщика воронежского кружечного двора и таможни Бориса Полосина, который занимал эту должность, как следует из доступных нам источников, около пяти лет, с 1692/93 г. по 1696 г., или даже более⁵.

По сохранившейся документации можно проследить основные этапы в деятельности откупщика за время его владения откупом:

- 1) направление челобитной в Москву о желании вступить во владение откупом
- 2) составление поручных записей (не всегда)
- 3) составление «ценовной росписи» передаваемых откупщику «заводов» и строений
- 4) получение наказа из Москвы
- 5) покупка вина, пива, меда или их заготовка
- 6) отчет в сборах в Москве (спустя положенный срок)
- 7) правож с поручиков в случае недобора или сыск, если случай спорный
- 8) отказ от откупа (в обязательном порядке, за месяц или два до окончания срока откупа).

В том случае, если желающих взять таможеню и питейные сборы на откуп не находилось, голова таможни вступал в должность «по выбору». Выборным таможенным головам и целовальникам во время исполнения своей должности запрещалось заниматься какого-либо другого рода деятельностью, в том числе и торговлей. Ю. А. Мизис склонен считать «верный способ» таможенных и питейных сборов прямой эксплуатацией местного населения. Это была принудительная, безвозмездная и материально ответственная работа⁶.

Процедура «выбора» целиком и полностью контролировалась воеводой, который обязан был проследить за тем, чтобы на этой важной должности оказался кто-то из числа людей «добрых и прожиточных», то есть обладающих определенным имуществом, которое выступало в качестве гарантии в случае недобора таможенных денег.

Выбор проводился осенью, обычно в начале года, в сентябре, и представлял собой сложную процедуру с письменной отчетностью. В Воронежском у., как правило, головой «на вере» становился выходец из посадского населения или представитель детей боярских — мелких служилых людей.

В число выборщиков, судя по присылаемым в столицу документам, входили люди из числа местных жителей разных сословных групп. Срок, на который выбирались должностные лица таможен и кружечного двора, был почти всегда годовой (с 1 сентября до 1 сентября). После выборов составлялся «выбор» — документ об избрании, который подписывали все его участники. Это повышало ответственность избранных и наделяло их правами действовать от имени той части населения, которая выдвинула их на эту должность. «Выбор» вместе с поручными записями отправлялся в Москву.

После процедуры выбора в городской приказной избе проводилось крестоцелование в присутствии служилых, «жилецких» и уездных людей. Выбранные должностные лица давали обещание «не корыстовать». Целовальники принимали присягу в присутствии воеводы. К крестоцелованию обязывали и дьячка, он обещал «кабацкую прибыль и таможенные пошлины и всякие доходы в приход и расход записывать в книги в правду... и не корыстовать»⁷.

Крестное целование проводилось 1 сентября — в первый день календарного года, как правило, в утренние часы. Согласно Соборному уложению 1649 г., присягу на кресте могли давать люди, возрастом старше 20 лет. Голова таможен и кружечного двора, собирающий пошлины и питейные сборы «на вере», не обязательно должен был быть жителем этого уезда. Практиковалось избрание в таможен лиц из других уездов или даже их назначение из Москвы. В последнем случае воеводам присылалась грамота не об организации выбора, а об отправке конкретных лиц в соответствующий уезд для сбора таможенных пошлин и питейных денег. В 1628 г. в Елец были посланы «лучшие» торговые люди К. Мосалитинов, С. Корамышев, П. Онисимов, Д. Веневитинов. Они должны были сменить там голову Ивана Хромого, находящегося «у денежного сбора»⁸. В 1629 г. воронежский торговый человек Денис Веневитинов «за поруками безсрочно» был прислан в Курск «в головы»⁹. В 1648 г. по указу из Москвы в Воронежском у. должность головы исполнял житель Ельца Наум Плеханов¹⁰.

Если голова мог быть выходцем из другого уезда, то, как правило, целовальники при нем всегда были местными. Это, по всей видимости, облегчало работу таможен и кабака (кружечного двора). Целовальники знали местные порядки и обычаи, к тому же именно им приходилось непосредственно стоять за стойкой. Процедура выбора верного головы была более сложной, чем передача таможенных и питейных сборов откупщику. Воевода зачастую не мог найти желающих на эту должность. С другой стороны, должность головы означала определенное превосходство над остальными жителями уезда.

Злоупотреблений при отдаче кабака и таможен на веру было меньше. Головы и целовальники понимали, что они на этой должности временно, поэтому меньше притесняли местное население. К тому же верные головы гораздо в большей степени были ответственны перед местной администрацией в лице воеводы. Все их действия контролировались из Москвы. В случае недобора всегда устраивался сыск, голов и их поручителей ставили на правед. Откупщики пользовались большей свободой.

До середины XVII в. таможенные головы отчитывались в своей финансовой деятельности перед воеводой. В связи с тем что воеводы обладали реальной полицейской и военной властью, от них зависело положение таможенников. Это порождало злоупотребления со стороны воевод.

Во второй половине XVII в. контрольные функции за деятельностью таможен постепенно переходили к таможенным головам. Воеводам было отныне запрещено вмешиваться в их дела, а обязанности смотреть за действиями таможенников возлагались на посадских земских старост. Отношения голов с воеводами оговаривались следующим образом: «А будет к нему для таможенных и кабацких денег учнет присылать по государевым грамотам <...> воевода памяти за своєю рукою, и голове по тем памятем кабацкие и таможенные деньги давати и писать в книги имянно, а без государевых грамот воеводе ни на какие розходы денег и питья не давати»¹¹.

Такие формулировки показывают, что взаимоотношения кружечного двора головы и воеводы были далеко не однозначными. Четких правил поведения не существовало. С одной стороны, голова кружечного двора выполнял указания из Москвы и должен был руководствоваться в своих действиях государственной выгодой. С другой стороны, во многих вопросах (ремонт зданий, наем работников, организация сбора денег с неуплатчиков) его сфера деятельности пересекалась с компетенцией вое-

воды. Когда таможенный голова по истечении годового срока выезжал вместе с таможенными книгами и деньгами в Москву для отчета, воевода давал ему подорожную память и провожатых.

Откупщики и выборные головы были обязаны вести строгую письменную отчетность о собранных пошлинах. Первоначально, день за днем, данные о сборе пошлин заносились в так называемые черновые таможенные книги, «напойные», конские и другие книги.

Собранные в таможене суммы отправлялись в Москву или шли на уплату жалования местным служилым людям и подьячим, на ремонт административных и хозяйственных зданий, строительство стругов и подготовку припасов для донских отпусков. В любом случае все доходы с уездных откупов, крупных и мелких, контролировались из Москвы. Воевода мог воспользоваться ими только с разрешения соответствующего приказа. Это говорит о том, что деятельность таможенных и кабацких служб оставалась важным элементом финансовой политики государства и находилась под пристальным контролем. Постоянные отчеты, ежегодные отправки в столицу таможенных и кабацких, оброчных книг вместе с деньгами давали возможность вовремя выявить злоупотребления и недостатки и принять необходимые меры.

Таможенные пошлины и «припойные» деньги представляли собой своеобразный «банк» средств, находящийся непосредственно на местах, в уездах. Несмотря на то что местная администрация в лице воеводы не могла им воспользоваться без разрешения соответствующего приказа, в XVII в. «таможенные и кабацкие зборные деньги» составляли существенную и постоянную, стабильную долю дохода Воронежского у.

Собранные таможенными и кабацкими (кружечного двора) головами и целовальниками деньги не являлись собственностью уезда, а представляли собой «государеву казну», в которой они обязательно отчитывались. Присылать деньги из Москвы было затруднительно, это требовало и времени и дополнительных затрат. Наличие на местах значительных денежных средств, которые можно было потратить на самые разные государевы нужды, но которые вместе с тем не являлись собственно «местным бюджетом» — это характерное явление для государственной внутренней политики того времени.

Примечания

¹ ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 7. Д. 3. Л. 2–3.

² Там же. Оп. 2. Д. 29. Л. 1.

³ Там же. Д. 50. Л. 5–7.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 47. Л. 10.

⁵ Там же. Д. 48. Л. 3.

⁶ Мизис Ю. А. Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006. С. 5.

⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Д. 27. Л. 82–83.

⁸ Там же. Л. 38–39.

⁹ Там же. Л. 151–152.

¹⁰ ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 24. Д. 58. Л. 36.

¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 104. Л. 1–2.

Ю. А. Мизис

ВНУТРЕННИЕ ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ГОРОДАМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В XVII — НАЧАЛЕ XVIII в.

В настоящей статье нами ставится задача проследить процесс формирования внутренних связей вновь освоенного региона, получившего в XIX в. название Центрального Черноземья. Первоначально эта территория называлась Полем, с начала XVIII в. — Азовской, а затем Воронежской губ. Этот регион имел единую историю своего формирования в ходе русской колонизации конца XVI–XVII вв., создания укрепленных линий и образования военных поселений. Предложенный регион был однотипен по своему производственному потенциалу, социальному составу населения, типу управления и специализировался на промысловым характере товарного производства. Значительная часть населения городов и сел (мелкие служилые люди, дворцовые, монастырские и владельческие крестьяне) занималась, помимо своих воинских дел, сельскохозяйственным производством для обеспечения членов своих семей, необходимым запасом продовольствия. Абсолютно преобладали мелкие служилые люди. Находясь в пограничном районе, они предпочитали заниматься сельскохозяйствен-